

Олег БАБИНОВ

Олег Бабинов родился в 1967 г. в Екатеринбурге. Окончил философский факультет МГУ. Автор поэтических сборников «Никто» (2016) и «Мальчик сломал слона» (2019). Победитель литературных конкурсов «4-й Открытый чемпионат Балтии по русской поэзии» и «ПУШКИН в БРИТАНИИ». Публиковался в журналах «День и ночь», «Знамя», «Дружба народов», «Luterrатура» и других изданиях. Живет в Москве.

ФОРТОЧКА

Тринадцать жутких лет

А как из нас уходит жизнь?
Ты скажешь: с первой сигаретой
и с пионервожатой Светой –
древнеегипетской из жриц

(была в учебнике у нас
она в набедренной повязке,
и в крокодиле-львиной маске
она ходила в тихий час).

Верни меня туда, где я –
хвостом виляющий варанчик,
где прилипает чешуя,
но отлетает наш воланчик,
и мы ни девочка, ни мальчик:
от нас открашена скамья,

где так хотел я ей сказать:
«Пойдём купаться, Оля, голой»,
но, созданный семьёй и школой,
не смел ей этого сказать.

И мне тринадцать жутких лет.
Но Оли нет, и Светы нет.

Ирма

Ирма бежит босиком к океану,
наступает на панцирь краба
и переносится в Окаяново,
где две избы, три ухаба,

где сто километров до стационара,
но Ирму спасает Сан Саныч:
эстрагон, самогон, соляра,
Неисповедим Сансарыч.

Евдоким говорит, что Ирма –
кличка овчарки, совсем не имя,
и что теперь она Евдокия,
и она не такая, и вокруг не такие.

Потом они были счастливы.
Потом он помре.
Поэзия, она же про частное
в нашей общей норе.

Каюты на Титанике

мне жалко мелких под колёсами –
котов собак лисиц гусей
и нас воспитанных халёсами
как цесаревич алексей

прекрасны слёзки в нашем кранике
и всяка тварь у нас больна
но за каюты на титанике
идет гибридная война

а мы босые ноги свесили
в парадном и при орденах
и ты – диана френсис спенсер
и я – франтишек фердинанд

Человек под кожей

когда на пустыре (футбол) забыв портфель
к пятидесяти став мудистром без портфеля
завидев своего в вотсап и по емейл
горишь его обнять и называть земля

соседа проводив на флот или в СА
жужжит твоя оса в ушах его похмелья
и выплеснуты вон душа и колбаса
и крутят вечный фильм про принца флоризеля

ты приходи браток (глоток, но не допив)
сменяй во мне на спирт контейнер ножек буша
приди на братский пир в наш кооператив
где Ксюша есть добро а яблоко есть груша

и ты бежишь домой и хочешь пирожок
и ты бежишь быстрее чем Саша и Серёжа
а то что был очаг то взял и стал ожог
и ты мой брат горишь как человек под кожей

Как в раю

Рвётся, рвётся парусное сердце –
то ли на зюйд-ост, то ли по швам.
Свистола подержанного бенца,
а за ней дверастола: драм-драм.

Знать, Серёга взял теперь семейство
в гости, в панда-парк или в кино.
Это значит: глупое злодейство
навсегда теперь побеждено.

акробат один на целом свете
походил и замер на краю
рвётся всё а в панда-парке дети
скачут по лианам как в раю

Как бы жаркое солнце в холодной траве

как бы жаркое солнце в холодной траве
как бы блажь в голове поутру
что никто кто из тьмы не исчезнет во тьме
что и я умерев не умру

мне сегодня приснился спор умных собак,
с неподвижною верхней губой,
и один прозывался Геннадий Себяк
а другой – Афанасий Собой

уходили во мглу растворяясь хвостом
в человеческой парковой мгле
и я думал неважно что будет потом
и нет смысла кому это мне

Подполковник

подполковник чья жизнь состоит без которого
но уже полагается отпуск в июле
как соскочит с подножки московского скорого
станет бодрым и сочным желтком в аджарули

станет пляжем пускай не песчаным а мелочно галечным
станет море к обеду вычерпывать
желтым половником
и мечтать что он станет пускай и не маршалом марочным
но хотя бы столовым и питким как мы бы сказали полковником

наша память строга и в ней мало красивого
но есть праздный сухум и квартира в чертаново
он пойдёт посмотреть при жене укрощенье стропивого

и вернутся к себе они ласково и челентаново

ваня мокрый засох и завяли другие растения
наш убогий уют обретается на подоконнике
я не знаю зачем (и куда) мы хотим возвращения
и зачем (и кого) я себя узнаю в подполковнике

Всё что я хотел рассказать о себе

вот и поехали наши седлом да на сечу
может тебя я и там предожиданно встречу
едем то жисью то смысью но больше верхами
по полыханью по голенькому колыханью

рыско в растяпе растёт рассудительный воин
в кислой мыслятине и воспитательной вони
едем по свёртому свету то шагом тот рысью
слочью сплошной по изволочью волчью и лисью

Кто его знает я думаю Кты меня знает
форточку ветер как детку ночами качает
лис мой сливается волк мой отсюда канает
внутренней музыки форточку молча волчает